

Комендантский час

16+

Андрей Костельцев

Андрей Костельцев
Комендантский час

«Автор»

2021

Костельцев А. В.

Комендантский час / А. В. Костельцев — «Автор», 2021

Книга "Комендантский час" представляет собой собрание увлекательных рассказов, действие которых происходит в XIX и начале XX веков. Истории о семейных тайнах и человеческой подлости, о мужестве и внутреннем смятении, мимо которых нельзя пройти.

© Костельцев А. В., 2021

© Автор, 2021

Андрей Костельцев Комендантский час

Острог.

Бледной вьюгой скачет путник,
Плетью лошадь торопя,
Как не согнуть в русском поле,
Волей чуда окромя?

Буря стихнет, засияет
Звезд холодных небосвод.
И кобыла испитая
Взгляд свой к небу вознесёт.

«Ты не стой, скорей, приятель!
Торопись быстрее в путь!
Пока леса обитатель,
Позволяет смерть минуть»

И поскачет дальше путник,
Слыша отзвуки зимы.
Господа хваля за плутни,
Всадник выбрался из тьмы.

1845 год. На почтовой станции было непривычно многолюдно: наступавшая весна означала для многих заезжих чиновников конец сибирской командировки и возвращение в Петербург. Оттого в станционном подобии кабака было не только много народа, но и довольно весело. Обычно проделывавшие долгий и изнуряющий путь рангоносцы не скупались на крепкое словцо для зрителя или кого-то из присутствовавших. В иной день здесь царила бы стиснутая зубами тишина, и лишь изредка какой-нибудь надворный или титулярный советник осмеливался бы поторопить служивых: «Ну что, скоро там? Мне ехать надо, я ведь не на отдых отправляюсь!».

Однако сегодня все было по-другому. Государевы мужья, изрядно набравшиеся «для сугрева» водки, то и дело бранили край, которым российское могущество прирастало. Бранили за всё. За удаленность от «великодумских» городов, за пьянство населения, за плохую погоду (что из всего перечисленного было самым чудным, ведь, уезжая из города на Неве, мало кто из них не бранил тамошний климат).

Бранясь, эти государевы пьяницы будто бодрились от похмельной усталости и, доходя до нужной кондиции, начинали громко хохотать над рассказами о чужой службе.

И никто в тот день не торопил зрителя со сменой лошадей, ведь смех смехом и ругань руганью, но у всех в душе оставался странный осадок. Этим людям действительно не нравилась Сибирь. Даже больше. В основном, все перечисленные ими проблемы были более чем насущными. Но как чинуши понимали это, так же отчетливо ими осознавалось и то, что край этот глубок и многослоен. И они страдали от того, что не поняли его, что не познали сути, что не смогли стать своими на этой земле.

Вскоре в помещение, где все веселились, вошёл высокий кареглазый мужчина. Сняв на входе шляпу, присыпанную снегом, он обнажил черные волнистые волосы. Отряхнув шляпу и меховой воротник своего утепленного пальто, он оглядел присутствовавших. Их было немного.

За двумя сдвинутыми вместе столами сидела компания «свежих» друзей, через стол от них сидел и читал книгу некий полноватый мужчина. Он был сосредоточен, не обращал никакого внимания на шум и даже не заметил, как кто-то еще вошел в кабак. За центральным столом сидела немолодая цыганка. Она была страшна: её руки были покрыты толстыми венами, хитрые черные глаза были похожи на пару рубинов, неухоженные волосы были прикрыты платком, а зубы отдавали желтизной то ли от большого количества золота на своей поверхности, то ли от пристрастия к табаку – цыганка почти не выпускала изо рта трубки.

Обычно цыган вообще сюда не пускали, но, как уже было отмечено выше, тот день обычным не был.

Мужчина, уже заранее обговоривший со зрителем все дела и искавший себе нового извозчика, взамен только что скоропостижно скончавшегося в дороге еще на предыдущей станции, решил выпить чаю, но подметив в руках у цыганки колоду карт, он тут же изменил планы.

– Гадаешь? – спросил он, подходя к ней ближе.

– Конечно, дорогой, – ответила цыганка, глядя хитрым прищуром на мужчину.

– Хоть раз бы встретил цыганку, которая не гадает, – произнес путник, садясь напротив старухи, – чтоб что-нибудь новенькое было.

– Не гадающая цыганка – ненастоящая цыганка вовсе, мил человек.

– Да правда что, а ты, выходит, настоящая?

– В пятом поколении гадалка! – воскликнула женщина, подняв палец в небо и выпустив клубок дыма.

– Ну как же иначе, – засмеялся мужчина.

– На что гадать будем? На суженую?

– Неет, этих, – следующее слово было произнесено про себя, – мне хватает. Мелко как-то, лучше на будущее.

– Как скажешь, милоч.

Цыганка еще несколько раз перемешала карты и начала выкладывать их по одной. Первой картой был «глупец».

– Надеюсь, это не я глупец.

– Конечно не ты, – соврала цыганка.

– Ох, вижу, что любишь ты приключения и дорогу всегда выбираешь легко.

– Мы на будущее гадаем или как?

– Ты ищешь новых ощущений и найдешь их, не сомневайся.

– Да, столица наша, несмотря на внешнюю строгость, умеет развлекать. Когда вернусь и отчитаюсь за дела, тут же рвану на бал.

Цыганка ничего не ответила и вытащила следующую карту. Это была «колесница».

– Тебя ждёт долгий путь.

– Верно говоришь, хотя разве ж это долгий путь, когда едешь домой?

Цыганка вновь смолчала. Третьей картой была «фортуна».

– Колесо фортуны, это значит...

– Удачу. Да, в покере она мне будет не лишней, – перебил цыганку чиновник.

– Это карта означает изменения, – спокойно продолжала цыганка, – тебе следует подготовиться к ним.

– Изменения? Имеешь в виду изменения обстановки? – сказал мужчина и хвастливо облокотился на спинку стула.

– Нет, – ответила цыганка и достала последнюю карту.

Это была карта смерти.

Увидев это, ехидный человек вдруг прекратил улыбаться и наклонился немного вперед, нависнув над столом.

– Не бойся. Смерть редко означает саму гибель. Скорее, трансформацию.

– В кадавра?

– Чагой?

– Ну... в покойника трансформацию-то?

– Да нет же, в другого человека.

– Что ж, любопытно, – подумал чиновник, погрузившись в навеянные собственным разумом мысли.

– Как тебя звать?

– Артём. Артём Берестов, – ответил герой.

– А меня Лэйла, – сказала цыганка, вновь прикуривая трубку.

– Артём Владимирович? – вдруг произнёс отвлечённый от книги толстяк, до этого момента проявлявший полное безразличие к происходящему вокруг.

– Так точно, мы знакомы? – удивился мужчина.

– Нет, господин Берестов, но я знаком с вашим дядей Вячеславом Андреевичем. Меня звать Борис Хорохорцев, и я здесь, как его личный адъютант, чтобы передать вам письмо.

– Письмо? От дяди?

– Чрезвычайные обстоятельства вынудили его послать меня к вам навстречу, дабы перехватить по возвращении в Петербург.

– Что за обстоятельства?

– Они изложены в письме.

После этого усатый тип тяжело поднялся с места и достал из внутреннего кармана объёмного бушлата желтоватый конверт.

Берестов тут же выхватил его и, пренебрегая аккуратностью, вскрыл. Письмо было написано мелким почерком и растянуто на страницу:

«Здравствуй, Артём!

Пишет тебе твой дядя, Вячеслав Андреевич. Пишет не просто так, а по делу, причем архиважному. Не далее как полтора месяца назад мой друг и соратник Андрей Городецкий был отправлен в сибирскую командировку, в острог Строгульцевский. Оттуда, по нашей договоренности, он каждые две недели должен был отправлять мне письма с отчётом о делах государственных и рассказом о делах личных.

Однако что-то пошло не так. Прежде всего, первое письмо явно было не в его духе написано. О делах личных не шло и речи. Будто чужой человек пишет. Я заподозрил нечто неладное и напрямую спросил друга, почему он пишет в столь странной манере. Но в ответ лишь молчание. Прошло уже достаточно времени, но нового письма всё нет.

Щекотливость ситуации заключается в том, что еще здесь, в столице, Городецкий серьезно заболел, в связи с чем у него пришли в разлад интеллектуальные способности, а именно, память. Порой он совершенно не мог вспомнить элементарных вещей из недавнего прошлого, однако, все, что происходило, скажем, неделю назад, он помнил неплохо. В связи с этим он носил с собой огромную книгу, которую я подарил ему лично. Книга эта обита красной кожей. Туда он всё и записывал.

Я приказываю тебе добраться до острога и найти там Андрея. Узнать, все ли в порядке у моего старого друга и в норме ли его душевное здоровье. Прошу отнестись к этому не просто как к приказу, а как к просьбе любимого дяди. Прочие подробности узнаешь от моего подчинённого.

Горячо жду известий.

Берестов Вячеслав Андреевич».

Артём отложил в сторону письмо и недовольно взглянул на Бориса.

– Ты знаешь, о чем говорится в письме?

– Так точно, господин Берестов.

– Тогда объясни мне, почему я должен прерывать своё возвращение домой, чтобы...

– Я думаю, в письме всё итак было объяснено, – перебил чиновника Хорохорцев.

– Дядя считает, что я должен работать нянькой у его друзей?

Толстяк недовольно посмотрел на цыганку, а та, в свою очередь, хитро взглянула на него.

– Вам, я думаю, уже пора, – сказал Борис.

– Я так не думаю, – сказала Лэйла и ловко перекинула дымящуюся трубку из одного уголка губ в другой.

Хорохорцев наклонился над цыганкой, поставив руки на стол.

– Слышь, отребье, у тебя есть секунда, чтоб убраться, а иначе я тебя отсюда выволоку и пристрелю как собаку.

Гадалка, услышав это, побледнела, однако, за неё вступился Артём: « Может, сначала важные дела решим? Оставь ты её в покое».

– Я уйду, как только получу свой рубль за гадание, – дрожащим голосом произнесла Лэйла.

Берестов тут же сунул руку во внутренний карман за кошельком, но Хорохорцев не унимался.

– Рубль? Тебе? За что? За ту вздорную брехню, что ты навешала?

Казалось, что сейчас толстяк ударит самонадеянную женщину, но его вдруг заставил при-
смиреть Артём. Он вручил гадалке купюру и она, стремглав, бросилась прочь.

– Зря это вы, пуля явно была дешевле, – сказал Хорохорцев и, улыбнувшись, уселся напротив чиновника.

– Так почему я должен сыграть в сию игру и выполнить дядюшкину прихоть?

– Острог этот пользуется дурной славой. Когда-то каторжники там добывали уголь, отчего неподалеку ещё имеются карьеры, и даже крепость деревянная, в которой солдаты жили. Они-то это дело и охраняли, но не суть.... Потом в Петербурге посчитали, что будет лучше везти оттуда лес. Многие жители – бывшие каторжники, поэтому вашему дяде нужен был там человек сильный, надежный и умеющий управляться с... подобными элементами. Потому он и избрал своего друга, который вроде даже однажды отправил туда какого-то беднягу. В общем-то, выбор был невелик: остальные в эту глушь ехать отказывались.

– Потрясающе! Тащиться к куче каторжников? Ладно, хоть пистолет есть. Как выглядел этот Андрей Городецкий?

– Высокий интеллигентного вида мужчина с острыми чертами лица и очень низким голосом. У него еще пара зубов во рту золотых.

– Думается мне, что до лобызаний не дойдёт. Вы поедете со мной?

– Никак нет, господин Берестов. Я отправлюсь обратно в Петербург и доложу дяде, что выполнил его поручение.

« Может, так и лучше. В одиночку, зато без дурной компании» – подумал Артём, выглядывая в окно и наблюдая растворяющийся в метели силуэт Лэйлы.

– Чёрт, надо утра ждать. Хотя смысл? Метели здесь в это время года редко стихают. А как стихнут, так и начнёт все таять, и повязнут кони в распутице.

– По короткому пути до того острога несколько часов на хорошем коне.

– Всего-то?

– Но ночью в метель скакать – дело, пахнущее дурно.

– Прав ты, Борис, да вот только разница невелика: ни ночью, ни днём не видно ни зги. А так хоть есть шанс быстрее справиться дело и вернуться в столицу.

– Воля ваша, господин Берестов.

– Да и что со мной может случиться?

– Эти края мне не знакомы, так что, увы, не знаю.

« Эти края не в состоянии быть познанными людьми» – подумал Артём и взглянул на часы.

– Решено! Я возьму справную лошадь, у смотрителя наверняка имеется, и отправлюсь за этим вашим господином Городецким. Как только доберусь до места и найду его, лягу спать. А с утра в Петербург.

– Дай Бог, господин Берестов, – произнес толстяк, подтягиваясь к самовару, стоящему на другом столе.

– В таком случае, удачи, господин Хорохорцев. И привет дяде, – Артём встал из-за стола и отправился к выходу.

– Удачи вам! – бросил вслед Борис, набирая в чашку кипятков.

Он сделал несколько глотков и, прислушавшись к окружению, понял, что соседствующие с ним пьяницы поумерили пыл и теперь шептались о чем-то своем:

– Гиблые места здесь имеются в избытке. Их нужно остерегаться, иначе заташат тебя с головой! А если живым уйдёшь, то прежним уже не станешь, – сказал высокий усатый мужчина с красными глазами и стал креститься.

– Совсем от водки одурел-то, спать пошли, Дементий! – бросила в ответ тучная подруга мужчины и стала выводить его из-за стола.

Спустя мгновения Артём уже скакал на ретивом коне в сторону Строгульцевского острога. Через минуту плотная снежная пелена скрыла от него последние лучи света оставшейся позади станции. Обычно в дороге Берестов предавался глубоким размышлениям, что и спасало его от великопросторной русской хандры. Но сейчас все было иначе. В прошлое ушли и гадание цыганки, и письмо дяди, и разговор с Хорохорцевым. Даже мольбы смотрителя о том, чтобы в такую погоду не ехать, вдруг побледнели в памяти и перестали заботить героя. Природная стихия возвращала его в настоящее и самовлюбленно заставляла думать только о себе. Он прижимался к лошади, пытаясь разглядеть в метели дорогу, которая все больше покрывалась снегом. Ветер то и дело холодной плетью пронзал его спину, а стужа сковывала лицо и перехватывала дыхание.

Еще мгновение и вот уже путешествие превратилось в набор ритмичных движений. Вот лошадь в очередной раз ревет от снега, засыпающего ей глаза, вот Артём вновь вдыхает свирепый северный воздух, который обжигает его носовые пазухи и горло, вот он от бессилия и усталости начинает злиться и со всей силы бить несчастную кобылу, а та ревет еще сильнее. И не ясно, как долго уже длиться всё это мучение.

Но вот лошадь окончательно устала и увязла в снегу.

Берестову пришлось спрыгнуть с нее, чтобы взять за поводья и провести дальше, однако и сам он был измотан дорогой. Встав почти по пояс в сугроб, он достал из сумки фляжку с водкой и, выпив половину, взбодрился. Поплутав взглядом по местности, он заметил дальнейший путь и, взяв одной рукой поводья, зашагал в нужную сторону.

Выносливость окрестной погоды поражала: ветер и не думал утихать, даже наоборот, лишь набирал силу. Деревья враждебно нависали над путником, зловеще скрипя и посвистывая, а снег предательски проваливался под ногами, заставляя Артёма то и дело спотыкаться.

Он уже и не знал, доберется ли до того самого острога, как вдруг заметил свет избы вдалеке. Она стояла на возвышении, а из трубы валил беспокойный дым – хозяин был дома.

Недолго думая, герой повернул в сторону жилища. Подходя ближе, лошадь издала глубокий громкий рёв, который разнесся бы на много вёрст вокруг, если бы не метель, покрывающая все снежным куполом.

Дверь в дом открылась, и из него вышел высокий толстый человек с пышными усами. В зубах у него красовалась трубка, а на плечи был накинут меховой полушубок.

– Чагой блуждаем? – спросил он.

– Потерялись, отец, – устало выдавил из себя Артём, еле волоча ноги.

– Ну, заходите, раз потерявшись, что уж там, – сказал хозяин дома и показал рукой, что можно входить.

Берестов тут же вошёл в теплую холостяцкую хату и стал отряхивать сапоги от густо налипшего на них снега, попутно выхватывая из кармана фляжку с огненной водой. В это время усатый мужчина отвёл его лошадь в сарай.

Вернувшись, он увидел, как Артём раскладывает на печи вымерзшее пальто.

– Ай, шустрый какой! – сказал мужчина, но Берестов не обратил на это никакого внимания и лишь чихнул, пока пытался поглубже в пальто упрятать водку.

Обернувшись, он увидел разложенную на столе снедь и дымящийся самовар: хозяин, очевидно, готовился к ужину.

Сняв кожаные перчатки с внутренним утеплением, путник начал тереть пунцовые щеки. Багрянцем были покрыты и руки героя.

– Меня Архип величают. Архип Спиридонов, – начал говорить хозяин дома, усаживаясь за стол. Открытой ладонью он указал гостю, что тот тоже может сесть.

Артём, продолжая тереть руками замерзшее лицо, занял место напротив. Зубы его сводило от холода, а потому он ничего не говорил.

Понимая это, усач продолжил.

– Редко мне здесь скитальцы попадают, – произнёс Архип, наливая гостю чай, – тем более те, что осмеливаются сквозь метель чёрт знает куда прорываться. Даже и непонятно, храбрец ты аль глупец.

После этого Спиридонов придвинул чашку к дрожащему путнику, а сам встал, чтобы достать из печки котелок со свежей кашей.

Берестов же, сделав несколько глотков чая и ощутив прилив сил, тут же вновь обрёл дар речи.

– Тут как раз все ясно, одно и то же это: храбрость и глупость, – сказал он и вновь прильнул к чашке.

– Непонятно, как ты вообще выжил, – сказал хозяин дома, вытаскивая горячий горшок из печи. Случайно задев пальто Артёма, Архип увидел выпавшую из кармана фляжку с водкой.

– Ааа... вот как. Ну, это по-нашему, конечно, – произнес он, в ответ на что Берестов расхохотался.

После ужина герои разговорились. Произошло это не без участия вышеупомянутой водки, которой изначально Артём не хотел делиться. Немного захмелевший усач с упоением слушал рассказы «скитальца» о его жизни в Петербурге: о том, как он прятался от спутницы в борделе, как бильярдным шаром выбил глаз пьяному бретёру и как на балу протанцевал четыре часа подряд с одной дамой, после чего пообещал на ней жениться.

Позже отягощённый сытной трапезой герой стал распинаться в любезностях перед спасшим его Спиридоновым.

– Ты не переживай, я в долгу не останусь. И денег тебе дам, и про подвиг твой расскажу!

Усач же смеялся. Делая поправку на «веселое» настроение гостя, он воспринимал всё как должное.

– Да уж, если бы не я, то лежал бы ты сейчас трупом!

– Обледеневшим!

– Это точно! А зачем мне еще один труп?

Внезапно Артёма будто бы ударили по голове: разморенный алкоголем и печным теплом ум вдруг сумел сконцентрировать остатки трезвости.

– Как еще од-ин? – икнув, спросил Берестов.

– Да так, – начал говорить усач, – нашёл я тут давеча одного беднягу. Раздетый лежал и почивший.

– Когда это случилось? – спросил Артём.

– Да больше месяца назад, – пожевывая заранее нарубленное сало, ответил Спиридонов.

– При нем документы были?

– А ни черта не было! Будто с неба свалился и, в чем мать родила, преставился. Ну, почти в чём мать родила...

– И ты его похоронил?

– Какой там! Лежит в сарае, возле лошади твоей.

– А чего ж не похоронил-то?

– Дык ведь земля вся промерзла! Как тут могилу-то копать? Только лопату перебеёшь о грунт ледяной.

– Ну-ка покажи мне этого несчастного.

Архип набросил на себя свой полушубок, а Артём – мокрое от растаявшего снега пальто.

Пройдя пару метров по морозу, оба оказались в небольшом сарае. Внутри было так же холодно, как снаружи, но не было снега. Устрашающе свистел сквозь щели ветер.

Берестов шагнул вперед, но его обогнал Спиридонов, чтобы первым застать тело, которое было завернуто в белую ткань и лежало в дальнем углу.

– Вот он, голубчик, – указал усач, почесывая затылок.

Артём присел и, наклонившись ближе, разматал немного ткань на голове. Синее лицо мертвеца с навсегда застывшим взглядом мелькнуло перед глазами Берестова, после чего он тут же отвернулся, накинув тряпку обратно.

– Чёрт, никогда мертвецов не видел, – сказал напуганный чиновник, прикрывая лицо рукой.

– Может, еще водочки? – спросил Архип.

– Да погоди ты со своей водкой!

Собрав волю в кулак, Артём пересилил себя и, вновь отбросив тряпку, взглянул на лицо несчастного.

«Рост – есть, черты лица острые – есть, интеллигентный вид – вроде как есть, остался только очень низкий голос, но его наличие проверить не удастся» – подумал Берестов, осматривая тело.

– Так вы, выходит, знали его? Это ваш, получается? – спросил Спиридонов.

– Что значит «ваш»?

– Ну... столичный.

– Да, столичный... Но нет, знать я его не знал, однако его как раз и ищу.

– Выходит, нашли?

– Выходит, что так.

– А точно он-то? Мало ли кто в лесу бродит.

– Да нет, почти точно. Хотя..., – чиновник вспомнил про золотые зубы, о которых говорил Хорохорцев.

Он опустил вниз и, надев на правую руку кожаную перчатку, открыл усопшему рот. Увидев золотой блеск зубов, Берестов тут же высунул руку и яростно завопил.

– Сукин сын! Это он! – Артем вскочил на ноги.

– Это Андрей, Андрей Городецкий! При нём была большая красная книга? – Берестов схватился за Архипа.

– Какой там! Сказано же было, в чём мать родила я его нашёл, ну почти.

– А может ты его убил, а?

– Господь с вами, Артём Владимирович, как же я мог-то...

– Да точно! Сам его убил, чтоб ограбить.

– Да разве ж мне много для жизни надо? Не стал бы я грех на душу брать.

– Конечно, а как же ты его нашёл? По лесу гулять любишь?

– Да я ж лесник, работа у меня такая!

– Убил, сволочь, за деньги!

– Да как же убил? На нём ведь и раны ни одной нету!

После этого Архип заплакал, а Артём медленно отпустил его.

– Как это нету? – задал он риторический вопрос и, вернувшись к телу, одёрнул полностью ткань.

Действительно, на теле не было ни одной раны.

– Да замёрз он, видать, кто-то ему встретился, ограбил и помирать в снегу оставил, – сквозь слезы сказал усач.

– Что ж творится это в ваших краях?

– Вы не сердчайте, Артём Владимирович. Не убивал я! Стал бы я вам его показывать, если б сам убил? – выл Архип, глядя заплаканными глазами на чиновника.

– Да успокойся ты, не убивал никого, не убивал! – сказал Берестов, но его слова никак не повлияли на истерику лесничего.

– Я ведь всю жизнь в этом лесу и ни разу зверя не обидел, а тут человека убить....

Артём помог Спиридонову подняться на ноги, довёл его до дома и уложил спать на кровать. Сам же чиновник, сняв сапоги и бросив пальто на печь, залез на неё и так же крепко уснул.

Ночь Берестов провёл спокойно, несмотря на неутихающий над домом ветер и пережитое днем. Проснувшись с утра, он тут же почувствовал сухость во рту. Сделав «пустой» глоток, он почувствовал, как сухость эта сковала все горло, и будто бы даже отдала болью в голову,

Повернувшись на бок, он увидел Архипа, засыпающего угли в самовар.

– Убийца знал этого вашего знакомого, – тихо протянул усач, взглянув на чиновника.

Артём попытался что-то сказать, но лишь проскрипел горлом, не выдав ничего внятного. Хозяин дома тут же бросился к бочке с водой, стоящей в углу хаты и, зачерпнув ковш животворящей жидкости, передал его Берестову.

Тот тут же жадно припал губами к заветной ёмкости, а Спиридонов тем временем продолжал.

– Думаю я так, потому что будь это просто ограбление, он бы эти ваши золотые зубы вмиг вырвал. Но нет.

– Может, спешил? – немного оправившись, сказал Артём.

– Может, да только вот куда здесь спешить? Тут же тайга!

– Выходит, кто-то его специально так умирать бросил.

– Вот и я о том же, Артём Владимирович! И остаётся только одно понять.

– Что же?

– Куда делся извозчик этого господина. Ведь не на коне же он один из столицы ехал-то.

– Действительно, – вдруг осенило Берестова, – но если так, то куда же они поехали?

– В Строгульцевский самое близкое будет, – ответил Архип.

– В острог...

– Да, небольшой совсем. До него с час езды будет на вашем коне.

– Туда-то я и направлялся.

– Вот как?

– Скажи-ка, Архип, что ты об этом месте знаешь?

Усач услышал вопрос и, присев на стул, немного задумался.

– Да что тут знать? Маленький совсем. Лес оттуда везут, каторжники там себе горбы набивают. Но и их там немного. А когда-то ведь уголь оттуда везли. На краю села еще остались карьеры и старая полуразрушенная крепость, где солдаты жили.

– Солдаты, что каторжников охраняли?

– Ну да.... Там жителей-то раз, два и обчёлся. Священник, солдаты, бывшие заключенные, несколько купцов....

– С кем мне поговорить лучше будет?

– Пожалуй, с попом тамошним.

– Я скажу, что от тебя.

- Не вздумайте!
- Это почему еще?
- Терпеть меня не могут там!
- Тебя-то, Архип? За что же?

Спиридонов побледнел и опустил глаза.

– Простить не могут. А я разве сам могу себя простить? Мне меньше всего тошно что ли? Хозяин дома стал покачивать головой из стороны в сторону.

– Ты чего, Архип? – слезая с печи, спросил Берестов.

Но в ответ услышал лишь молчание.

Лишь спустя минуту Спиридонов тихо начал свой рассказ.

– Было это года четыре назад. Сестра моя родная Люба полюбила мужика, который лес сюда приехал покупать. Ну а что, мужик справный, при деньгах да не дурак. Он её тоже вниманием не обделял. Но острог – место каторжников, считай, грешников. Счастливых людей там не бывает, вот и у него счастья построить не вышло. У Любы уже дочь была, Машенька. Красивая девчонка, веселая! Я ее играть водил в крепость-то заброшенную. Показывал там всё. Её родной отец в драке пьяной погиб, а тут вроде как свезло, Люба нового нашла. Я помогал, чем мог, но все равно тяжело одной дочку тянуть-то. Так что желание Любы снова замуж выйти принял. Объявили они дату свадьбы. Я съездил в город, купил дорогое украшение в подарок. И все уж было готово к празднику. Но за день до всего этого я страшно напился. Повод был хороший: сестру замуж выдаю. И вдруг, не помню зачем, пришла Люба. Что-то мне говорила, ну знаешь, вроде советоваться пришла. Говорила, что беспокоит её предчувствие дурное, что сомневается, мол, не слишком ли спешит? А я что? Похмельным взглядом на неё смотрю и понять – ничего не понимаю. Так она и ушла, расплакавшись. А на следующий день оказалось, что домой-то и не вернулась.

Искали ее. И нашли. Но поздно.

То ли волк, то ли медведь Любочку мою настиг. Места тут дикие, не мудрено.... Вместе с конём её.... В общем, проклял меня муж её. Или не муж... черт его знает. Проклял! За то, что не сберег. Главное, что Машеньку забрал и в остроге жить остался. Последнее, что помню, как украшение Любино Маше отдавал. Ну как отдавал, тихонько сунул, чтоб никто не видел. И всё. Видеть меня никто там не хочет. Разве что Маша, да и то, потому, что не понимает, что я натворил. Я ведь и сам себя видеть не хочу.

Артём молча слушал рассказ и смотрел на Архипа.

Когда тот закончил, в доме воцарилась тишина, но еще через минуту Спиридонов все же снова заговорил.

– Ты не сердчай на меня, и так сам на себя зол. И не говори ничего, если не знаешь, что сказать. Просто помни, не мог я отвезти твоего знакомого в острог. И разбираться бы никто не стал там с ним!

– У меня к тебе две просьбы, – сказал Артём.

– Какие?

– Во-первых, похорони ты его.

– Да как же это?

– А вот так. Заплачу я, сколько захочешь.

– Это надо костер разводить, грунт студёный топить. Дня два или три копать буду без продыха.

– Ничего, он уже не спешит.

– Эх, как скажешь, барин. Ну, а вторая просьба?

– Покажи дорогу в Строгульцевский.

Рассчитавшись с Архипом и позавтракав, Берестов сел на коня и отправился в злополучное место. Плохое предчувствие своим тупым острием подгоняло к горлу чувство тошноты. С каждой минутой тяжелее становились виски.

Артём понимал, что кто-то зачем-то убил чиновника из Петербурга, перед этим забрав у него записную книгу. Понимал это и не знал, что же ожидает его по приезде в тот самый острог.

Спустя час-полтора езды путник увидел силуэты дюжины домишек, собранных вместе. При каждом имелся немалый двор, где гуляла живность. Людей на улице не было видно. Последнему чиновник особо не удивился: метель хоть и поутихла, но все же давала о себе знать.

Лихо проскочив единственную в поселении улицу, Артём направился дальше, в сторону кладбища, где, по словам Архипа, и находилась единственная в остроге церквушка.

Спустя минуту езды показались первые кресты, а вскоре – и купол прихода.

Берестов немного оглядел прилегающую территорию погоста. Вокруг было очень тихо. И хоть чиновник не был из числа суеверных людей и к мистике относился без энтузиазма, от этой тишины ему стало не по себе.

– Вечно страшусь незнакомых местностей, – подумал он и решил проверить саму часовню.

Спрыгнув с коня, Артём перекрестился три раза трясущейся рукой и подошёл к большой деревянной двери церкви, чтобы войти внутрь, но та оказалась закрытой.

«Что за чёрт? По времени служба должна быть» – подумал Берестов и постучался.

Однако его никто не слышал. Казалось, что все окружение начисто вымерло.

«Ну, дела!» – сказал про себя Артём и снова забрался на лошадь.

Решив опросить местных жителей, он поскакал обратно в острог. Приближаясь к домам, он заметил деталь, которой не обнаружил ранее: несмотря на мороз, из печных труб не шёл дым. . . .

Чувство тревоги нарастало и, казалось, окутывало Берестова. Распознав среди всех домов самый большой, он решил проверить его. Но в этот раз, перед тем, как постучаться, он достал из сумки, закрепленной на лошади, свой пистолет.

«А ведь и в церкви колокола молчали» – думал он.

– Ну что, покажись, кто живой! – шепотом произнёс Артём и отправился на изучение дома.

Открыв калитку во двор, он увидел мертвого пса, который, судя по всему, был зарезан.

«Так и думал, что что-то неладно» – взвевя курок, сказал Берестов самому себе.

Пройдя дальше, он услышал кудахтанье домашних птиц на другой стороне двора. Дверь в дом же была открыта.

Войдя внутрь, чиновник увидел беспорядок и разбросанные повсюду бумаги. Казалось, что дом ограбили: на стенах, судя по пыльным отпечаткам, не хватало часов и картин. Дверцы шкафов были раскрыты, а кое-где даже вырваны наружу. Содержимое тумбочек и сервантов без какого-либо порядка лежало разбросанным на полу. Ступая по смятой одежде, распотрошенным папкам с бумагами и разбитой посуде, самонадеянный молодой человек прислушивался к каждому скрипу в доме. Он то опускал взгляд, пытаясь обнаружить на полу следы крови, то поднимал его перед собой прямо на прицел собственного оружия.

Изредка он останавливался, слыша хруст стекла под своими ногами. Это крошились разбитые рамки, в которых мирно покоились фотографии.

Берестов осмотрел дом, но не нашёл ни хозяев, ни свежих следов их пребывания здесь. Ему было очевидно лишь то, что здесь жил очень состоятельный человек: в доме имелась отдельная комната под кабинет, обставленная дорогой мебелью. Однако всё было пусто.

В камине лежали давно остывшие угли, на остатках ужина в просторной светлой столовой пестрила плесень.

Выйдя на улицу, Артём отправился к следующему дому. Затем к еще одному. К вечеру он обошёл уже все дворы и постройки и везде встречал одну и ту же картину: следы разграбления, отсутствие хозяев, убитые собаки и не тронутый скот.

« Кто-то знатно покуражился» – подумал Артём, как вдруг услышал топот коня вдалеке.

Выйдя на улицу, он увидел, как всадник подъехал к соседнему дому и, тяжело спрыгнув с лошади, вошёл во двор. Лица его не было видно. Чиновник хотел тут же проследовать за ним, но страх заставил его избрать в качестве средства выжидательную тактику. Он остался в кустах, внимательно наблюдая оттуда за происходящим. Через мгновение неизвестный появился с курицей в руках и стал упрячивать её в сумку на коне, но Берестов, набравшись смелости, выбежал из засады и направил на вора пистолет.

– Стой, тварь, а то застрелю! – крикнул он с надрывом, держа неизвестного на мушке.

– О Господи! – воскликнул мужчина, испугавшись внезапного появления чиновника.

Взору последнего предстал маленький бородатый мужичок лет пятидесяти, завернутый в несколько слоёв тряпья, поверх которых была надета женская шуба.

– Ты кто такой? – спросил воришка у Артёма.

– Это ты кто такой? – сказал Берестов, тряся револьвером.

– Раз у тебя пистолет, значит, и отвечать полагается первым мне. Меня зовут Митрофан, старожила я местный.

– Что здесь случилось?

– А это... Это я быстро объяснить не смогу, так что...

– Где все люди?

– Мертвы все.

– А ты один жив?

– Один, да и то мне недолго осталось, – произнёс Митрофан и, расстегнув шубу, показал, что одежда вся в крови.

– Ты ранен?

– Да, так что они всех тут убили, включая и меня.

– Кто они?

– Говорю же, разговор долгий. Помоги мне на лошадь забраться и поезжай за мной следом.

Берестов продолжал стоять, наставляя пистолет на Митрофана.

– Брось, будь я злодеем, так убрался бы давно отсюда.

Артём оставался на взводе, но оценив, что этот жалкий воришка ему вряд ли опасен, опустил пистолет. Немного подсадив старожила на коня, чиновник сел на своего и направился вслед за медленно скачущим Митрофаном.

По пути Берестов перебирал в голове свои версии произошедшего. Каждая мысль громко кричала о себе, отдавая невыносимым звоном в ушах. Чувство тревоги не покидало путника ни на секунду.

Наконец перед ним показались уже знакомые ровные ряды могил.

Митрофан замедлился и остановился у церкви.

– Я раньше здесь священнику помогал, в основном на кладбище. Смотритель я, выходит.

– И давно ты тут?

– Давно. Говорю же, старожила.

Сказав это, мужичок, который из-за бороды выглядел старше своих лет, достал из глубин одежды ключ. Крехтя, он слез с кобылы, и открыл дверь в приход.

– Зачем запираешься, если нет никого?

– Не думал даже об этом... Привычка – вторая натура.

Пройдя сквозь пустой зал, герои вышли с другой стороны через открытую дверь на территорию самого погоста. Вдалеке виднелась маленькая постройка.

– Вон там мое жилище, – сказал Митрофан, не выпуская из рук курицу.

Внутри это самое жилище представляло собой маленькую мастерскую, где в углу стояло несколько деревянных крестов, а посередине недоделанный гроб, прикрытый крышкой.

– Располагайся, – сказал Митрофан и, взяв топор, вышел на улицу.

Возле пристанища смотрителя имелся старый пенёк, на котором тот и собирался разделать птицу.

– Начинай свой рассказ, смотритель. А то ведь мое терпение не бесконечно, – сказал Артём, выйдя следом.

Митрофан положил курицу на пенёк и, несмотря на рану, ловко отрубил ей голову.

– Не знаю даже с чего начать.

– Говори уже, хоть что-нибудь.

Митрофан опустил взгляд и, тяжело вздохнув, начал повествование.

– Нормально всё тут было. Жили потихоньку, на многое не зарились. Простые люди, что еще сказать?

– А потом что?

– А потом к нам приехал петербургский чиновник. Ну, мы, как водится, обрадовались. Порядок будет, думали. А он важный весь, с красной книгой в руках и апломбом на губах. Весь из себя, а сам в пальто не по размеру, умора, да и только. Я сразу почуял, что что-то с ним не так, да только не поверил мне никто. Всё свободное время он изучал эту книгу. Постоянно рылся в ней, уж не знаю, что он там находил.

– Что было дальше?

– Дальше? Да просто все, как пять копеек. Чиновники питерские у нас не просто главные, они еще и за каторжниками присматривают. Пока они здесь в командировке есть, они военными и командуют. Вот и этот стал всем интересоваться. Новые графики службы солдатам составил. О чем-то с каторжниками разговаривал. Как будто есть у них дело общее. Я человек простой, мне до этого всего дела не было. Мне ведь чуть что, так сразу заказ несут.

– Что чуть что?

– Ну как? В лесу работа-то не простая. Как кто почует, так сразу крест и гроб нужен. Для острожников, конечно, без премудростей: самое простое и дешевое.

– Что дальше было?

– Местный наш купец – Виталий Стрёпов – решил нового главу домой к себе на обед позвать. Виталька, конечно, молодец был, царствие ему небесное. Он ведь сюда тоже когда-то из Питера приехал, да только он остался, насовсем.

– А у Виталия не было никогда жены по имени Люба?

– Ээээ... так и точно, была! А ты откуда знаешь?

– Не важно, продолжай, – сказал Артём.

– Ну, так вот. Стрёпов был мужик непростой, потому этого главу-то к себе и позвал. Люди, так сказать, одного ранга. Не знаю, что у них там произошло, но поссорились они. Да так, что Стрёпов этого чиновника самозванцем прозвал.

– За что это?

– Да говорил вроде, что тот французского не знает. А без этого дела вроде и никак в Петербурге.

– А дальше?

– А дальше всё и случилось. Чиновник этот устроил солдатам праздник, а в это время каторжники мятеж устроили. Всех перебили в лесу, а потом и в острог ринулись. Оказалось, что это главный – бандит, а не чиновник. Он все и подстроил, сволочь.

– Как звали-то его?

– Леонид Кузнецов, только его так никто и не звал.

– А как звали?

– Лёня-масочник. Что уж там, придурялся он плохо. Быстро мы его раскусили, да только вот все равно поздно было.... Начала эта банда разбойничать, девок хватать. Мужики, кто покрепче, за вилы взялись, но у беглецов оружие солдатское было. В итоге кровавую баню устроили. Всех от мала до велика перебили.

– Кроме тебя.

– Меня ранили, и я сознание потерял. А потом очнулся еле как живой, а вокруг уже никого. Все дома обнесли, всех застрелили и уехали, обо мне не вспомнив.... Вместо верховенства закона – верховодство законников. Вот как всё было.

Артём стоял и смотрел сквозь Митрофана. Он не мог поверить в услышанное.

– Когда все это случилось?

– Дня два назад.

– Почему ты не уехал?

– Эх...мил человек, – старожила вдруг выпрямился, вытер пот со лба и отправился куда-то через могилы.

Берестов молча пошёл следом.

Вскоре ровная земля с аккуратными могилами кончилась: впереди был овраг. Мужичок встал на его краю и показал Артёму рукой.

– Куда я их всех брошу? – спросил он.

Чиновник медленно подошёл ближе и увидел горы тел, громоздящиеся друг на друге без всякого порядка.

– Боже.... – вымолвил Артём и тут же отвернулся.

– Ты видел мою рану. Дни мои сочтены. Но дело моё еще не закончено. Сколько успею, столько и похороню. Но так просто своих не брошу.

Берестов взглянул на коротышку, но вместо презрения и жалости почувствовал уважение.

– Тогда я тебе помогу, – сказал он.

– Спасибо, добрый человек.

Чиновник убрал пистолет и, перекрестившись, пустил слезу.

Митрофан же не стал мешать и ненадолго оставил парня одного, а сам вернулся к своему пристанищу, разделал курицу и сварил её. Дело шло к ночи, а потому старожила предложил чиновнику ужин и ночлег в церкви.

– А работой завтра займемся, – добавил он, цедя горячий бульон.

Артём согласился. Ночлег он решил устроить себе в церкви, но ночью так и не смог заснуть.

«Как же это так? Разве ж так бывает?» – вопрошал он у себя и тут же получал ответ в виде воспоминаний об овраге, заполненном телами, и мёртвом острого.

Вдруг Артём вспомнил про Архипа.

«Господи, такое горе он точно не перенесёт» – пронеслось в голове у чиновника.

Из-за тревожной бессонницы Берестов не только не мог уснуть, но и просто спокойно лежать. Внезапно его голову посетила мысль: «А может, привезти Архипу что-нибудь на память о Машеньке?»

Взвесив все за и против, чиновник решил, что так будет правильнее.

«Все-таки он её несколько лет не видел. А так ведь ещё сам поедет в этот злополучный дом» – подумал Артём, надевая на себя пальто.

«Чёрт, а он ведь все равно пойдёт. Да на могилу уж точно заглянет. Выдержит ли его душа очередное горе?» – присаживаясь на скамейку, риторически вопрошал чиновник.

«Ладно, раз влез, так влез. И ничего не поделаешь. Заберу Архипа в Петербург. Дело, так или иначе, серьезное. Уж лучше я за него замолвлю словечко, его и следствие сильно беспокоить не будет. А потом уже при содействии дяди мы всех этих бесов найдем и накажем, да так,

что пожалеют, твари, о том, как глаза свои выше кандалов осмелились поднять» – горячился Берестов, расхаживая из стороны в сторону.

Наконец он решил, что пора выдвигаться. На этот раз Митрофан не закрыл дверь. Выйдя на улицу, Артём почувствовал тепло. На улице стих ветер, тихо падал снег.

Вдруг он увидел, что лошади смотрителя нет на месте, а следы на свежем снегу ведут в неизвестность.

– Интересно, куда это он поехал, пока я пытался уснуть. Ну да ладно, потом расспрошу.

Оседлав своего коня, Берестов понесся в острог. Перед этим он прихватил из церкви пару свечек, чтобы осветить немного путь и сориентироваться в доме.

Уже вскоре он вновь был перед знакомым большим аккуратным строением. Из уст Митрофана чиновник узнал, что это был дом Стрёпова. Войдя внутрь через всю ту же открытую дверь, он застал привычный беспорядок, но в этот раз решил осмотреться внимательнее.

Среди бумаг, разбросанных повсюду, были закладные и облигации.

«Сразу видно, что умственные способности бандитов были не на высоте, раз они это все не забрали» – подумал Артём, продолжая осматриваться.

Проведя продолжительное время в мертвом доме и не обнаружив ничего подходящего, чиновник решил подняться на второй этаж. Одна из свечек уже сплавилась, и Артём решил поторапливаться.

В кабинете Виталия Стрёпова он нашёл разбитую рамку, в которой находился детский рисунок, очевидно нарисованный дочкой купца – Машей. На нём акварелью были выведены все члены семьи, и каждый был подписан. Был там и Архип.

– Дядю она любила, – подумал Артём и, достав рисунок из рамки, сунул его в карман своего пальто.

Пройдя дальше, он зашёл в детскую. Несмотря на бардак, было легко понять, что это за комната. Берестов обратил внимание на лежащий на полу альбом, на котором была нарисована башня. Подпись под рисунком гласила: «Лабиринт княжны».

«Видимо, это и есть та крепость, куда Архип водил Машеньку» – решил чиновник.

Открыв альбом, Артём обнаружил, что все страницы вырваны.

«А вот это странно. Может, конечно, что Маша сама это сделала. Но если нет, то зачем это делать бандитам?» – задумался Берестов, но решил больше не задерживаться в этом злополучном месте и возвращаться в церковь.

Выйдя на улицу, чиновник сел на лошадь и поскакал в сторону кладбища. Спокойная погода немного утихомирила чувства героя. Однако, вернувшись к церкви, Артём увидел, что лошади Митрофана все еще нет на месте. Немного думая, он отправился в пристанище смотрителя со свечой.

Подойдя ближе, он открыл дверь и увидел, что внутри никого.

«Странно всё это» – подумал чиновник и то ли из любопытства, то ли от подозрительности решил заглянуть в гроб, что стоял посреди каморки.

Немного сдвинув деревянную крышку, Артём увидел большую книгу, обложка которой была обита красной кожей.

– Какого черта? – воскликнул Берестов и, схватив книгу, открыл её.

Из неё тут же вывалились несколько вырванных из Машиного альбома листов. На обеих детской рукой были выведены какие-то схемы и планы. С точностью инженера, но детским умом Маша рисовала стрелки и помечала на бумаге тайные ходы.

Вдруг Артём отбросил свою находку в сторону и схватился за голову. Головоломка наконец-то была составлена, и любое промедление теперь могло навсегда лишить героя шанса восстановить справедливость. Немного думая, Берестов выбежал на улицу и, перепрыгнув через ограду кладбища, оседлав лошадь и поскакал по почти исчезнувшему следу Митрофана.

Теперь он знал, что его ждёт, и неизвестность больше не пугала героя. Он изо всех сил бил лошадь по бокам, стараясь не упустить драгоценного времени.

Вскоре чиновник увидел крепость.

« Да, её-то Маша и нарисовала, назвав лабиринтом. Думаю, для маленькой девочки бесконечные заброшенные деревянные ходы были самой интересной тайной» – подумал Артём, почти на ходу соскакивая с коня.

Прямо возле входа стояла лошадь смотрителя.

« Ну, с Богом» – подумал Берестов, взводя курок своего пистолета.

Он остановился, спустился на землю, осторожно обошёл лошадь сторожила и вошел внутрь. В помещении было темно, поэтому чиновнику пригодилась церковная свеча. Прокладывая ей путь в темноте, Артём уверенно шагал дальше, направляя на неизвестное впереди дуло пистолета.

Перед ним вдруг предстала лестница, освещенная факелами. Чиновник, не раздумывая, погасил свечу и стал подниматься вверх. Затем он прошел короткий коридор и увидел справа проход, ведущий на самый верх внешней стены.

Пройдя через него, Артём увидел стоящего к нему спиной Митрофана. Он стоял на самой высокой части крепости и смотрел вниз на старый угольный карьер. В левой руке он держал детские рисунки, пытаясь по ним что-то определить, но факел, закрепленный на стене, плохо подсвечивал альбомные листы.

– Хороший спектакль ты устроил. Знаешь, я ведь поверил, – произнес Берестов, подходя ближе к зрителю.

– Да, я старался, – не оборачиваясь, ответил Митрофан.

– Выходит, ты и был тем самым самозванцем?

– Ну а кто ж еще-то мог им быть?

– Ты убил Андрея Городецкого?

– Да. Ну, скажи мне, Артём, разве ж это не судьба? Я сбегая из лагеря, брожу по тайге, как дикий боров, а тут вдруг мне попадается карета с человеком, который меня в эту тайгу отправил?

– Мы сами творим свою судьбу. Что ты сделал с извозчиком?

– Да ничего, припугнул просто. Но в остроге его пришлось все-таки окончательно утихомирить.

– Выходит, бунт твой неудачно вышел: подрали-то тебя знатно.

– А ты поверил байкам, про то, что я скоро подохну? Ну, уж нет, и не такое в моей жизни бывало.

– Где же остальные?

– Остальные? Ты про тех шавок, что меня раненого помирать бросили?

– Взяли тебя да и бросили?

– Забрали все и сказали, что скоро вернуться. А самих и след простыл. А я долго отлеживаться не стал, оклемался и еще потом здоровее других буду.

– Да вот только добычи для тебя не осталось.

– Тут ты и ошибаешься. Девка та шустрой была, убежала сюда, в эту крепость, вместе с побрекушкой. Я её настиг, конечно, но эта чертовка успела свою прелесть куда-то запрятать.

– А ты теперь пытаешься её найти?

– В один из своих тайников запихнула, это точно. Добыча уже близко.

– Сомневаюсь... А что ты со мной собирался делать?

– Да зарезал бы я тебя с утра и к остальным до кучи бросил. Но ты, как они, просто так помирать не захотел.

– Да уж... Как ты там сказал? «Вместо верховенства закона – верховодство законников»? Хорошо сказано. Я с самого начала в тебе ошибался, во всем ошибался, кроме одного.

– Чего же?

– Того, что ты жалок.

Услышав это, Митрофан выхватил пистолет и, развернувшись, выстрелил в Артёма. Пуля попала ему в живот, но Берестов тоже сделал выстрел. Оба упали на каменный пол. Бандит выронил пистолет и быстро пополз к нему, но Артём лёжа выстрелил в оружие, и револьвер преступника вылетел в карьер.

После этого Берестов собрал все силы и, поднявшись на ноги, выстрелил Масочнику в спину. Тот завопил от боли.

– Если тебе и было что-то предназначено, то только это! Поднимись! – закричал чиновник, смотря на то, как под убийцей растекается лужа крови.

– Встань! – снова закричал Артём.

Митрофан медленно поднялся на ноги, и Берестов тут же произвёл три выстрела, выпустив в Кузнецова остаток патронов.

Стремительно теряющее жизненные силы тело убийцы тут же потянуло назад, и он рухнул навзничь на самое дно карьера.

На лице чиновника тут же появилась улыбка. Он упал на колени и схватился за кровоточащую рану. Через секунду стихло эхо выстрелов и воцарилась тишина, подсвеченная сияющими в ночном мраке звездами.

«Еще не всё» – подумал про себя Артём и стал медленно подниматься на ноги.

Превозмогая боль и даже самую смерть, он добрался до собственной лошади и, кое-как вскарабкавшись на неё, легонько ударил в бок. Лошадь тут же подалась скакать. Она будто чувствовала, куда нужно отвезти хозяина.

Тайга встречала раннее утро. Горячий пот сочился со лба Архипа прямо на ледяной грунт: редко прерываясь, он исправно копал могилу. Грязный, мокрый и замерзший – он все же продолжал копать, пока не услышал рёв лошади.

Подняв голову, он увидел, как кобыла несёт тело Берестова. Тут же выскочив из ямы, он остановил лошадь, и Артём рухнул на землю.

Лесник подхватил его на руки и понес на кровать, но было уже поздно. Безжизненное тело молодого чиновника не могли оживить ни слезы егеря, ни его молитвы. Вдруг Спиридонов увидел клочок бумаги, торчащий из кармана пальто чиновника. Достав и развернув его, усач увидел окровавленный рисунок Маши.

В миг всё осознав, он еще сильнее заплакал и взял Артёма на руки. Вынеся его на улицу, он положил тело молодого человека в могилу и стал закапывать её.

Землю постоянно окропляла влага. То ли это были слезы старика, то ли первые капли весны.

В краях бездольных и заснежных
Есть город серый и чумной,
Где тебя ждёт иль неизбежность,
Иль битва с собственной судьбой.

В том месте слов давно не сыщешь,
Они погибли, как одно,
И каждый день, как Радоница,
И днём, как в погребке, темно.

Там Вий выходит на поверхность,

И нечисть молит о своём.
Куда не глянь – повсюду скверна
И храм кишит весь вороньём.

И нет надежды, нет спасенья,
Лишь холод белый и густой,
Что царствует над запустеньем
И правит вечною зимой»

Русская исповедь

Судьба как русская рулетка:
Сейчас ты жив, а после – нет.
И вот ты смотришь оперетку,
А вот словил в грудь рикошет.

И фатализм тут не помощник:
Злой рок – всего лишь чей-то вздор.
Идём мы в темноту наощупь,
Стремясь услышать приговор.

Но в нас самих клокочет пламя
Грядущих подвигов и слав.
И мы меняемся ролями,
Так, чтобы в ноту каждый такт.

И мир – театр, где, о чёрт,
Все позабыли про сценарий.
И сценарист, похоже, мёртв...
И некому дать комментарий.

Порой, в погоне за теньями,
Нас посещает яркий свет,
И если не толкает к яме,
То шепчет на ухо сюжет.

А дальше воля и свобода,
Отныне ты свой господин,
И помни: кукловоды – люди,
А самый страшный грех твой – сплин.

1920 год. В самом разгаре гражданской войны и военной интервенции бои внутри России не стихали ни на секунду. Обстановка возле реки Елабуга накалялась: к левому берегу реки подошли силы Донской Советской Республики, командовал которыми капитан Сергей Семенович Самохин. К правому же берегу подошли силы Белой армии под командованием генерала Семена Яковлевича Утюжнова.

Лишь небольшая деревня, стоящая на стыке двух берегов, разделяла свирепствующие лагеря, которые некогда были единым целым. Там еще оставались люди, не пожелавшие участвовать в кровавых междоусобицах. Они не согласились примкнуть ни к одной из сторон кон-

фликта и решили соблюдать нейтралитет. Кто-то посчитал бы это трусостью, но в те времена нейтралитет легко мог быть приравнен к сотрудничеству с врагом, что по военным меркам каралось смертью.

Вскоре все попытки штурма деревни прекратились. Командующие обеих сторон поняли, что если и дальше продолжат бездумно метать снаряды и не сдержат мощи боевого огня, то уже через несколько часов от населенного пункта, располагавшегося на стратегически-важной высоте, ничего не останется. И красные, и белые решили, что должны договориться миром, иначе победителя не будет вообще. Недолго думая, командиры двух дивизий решили встретиться в церкви, что стояла на видном месте, в самом центре злополучной деревни.

Проходя мимо потрепанных деревянных домов, во многих из которых окна были крепко заколочены, Семён Яковлевич Утюжнов рассматривал улицы и думал о бытности жизни на периферии войны. За весь его путь от лагеря белых до храма ему не встретился ни один прохожий. Может они спят? Да нет, куда там. Всю ночь ведь не стихала канонада артиллерийских залпов. Кто-то спрятался в погребе, опасаясь за собственную жизнь, кто-то – в сарае, и длинные шеренги домов с тёсовыми крышами казались абсолютно безжизненными. Глухой тишиной подкрашивали они утренний крик петухов, медленно растворявшийся в безмолвии, главенствующем над поселением.

Худой, подтянутый молодой человек лет тридцати был совсем не похож на усатого, грозного, полноватого отца. К внешнему различию добавлялось и бюрократическое: фамилии у них также были разными, ведь господин Утюжнов, узнав о том, что сын поддерживает «революционеров-провокаторов», в тот же миг отрекся от него. Сергей же, взяв девичью фамилию матери, продолжил исполнять, как ему казалось, свой долг перед отчизной.

И вот Сергей Семёнович подошел к часовне и, отворив старую дубовую дверь, вошел внутрь. Стены были увешаны иконами, явно сотворенными неким местным мастером, а посреди хорошо освещенного зала стояла фигура распятого Христа, украшенная красною каймой.

За заранее выставленным кем-то из священнослужителей столом, посреди комнаты, сидел генерал, ожидавший блудного сына.

Впервые за несколько лет войны увидев его, Утюжнов слегка повел пышными усами и усмехнулся: Самохин был одет в черное кожаное пальто, которое в ту пору было крайне модным у «красных». Оно делало капитана очень статным, хотя его несколько напускная небрежность в движениях отца лишь рассмешила.

– Здравствуй, сынок. Давно не виделись.

– Что есть, то есть, – ответил Сергей, стоя у входа.

– И уж точно не думал я, что увижу тебя в этой чумной одежонке.

Самохин прошёл навстречу родителю.

– А о чем же ты думал, когда отрекался от меня? О том, что я тотчас приползу к тебе на коленях и буду молить о прощении?

– О том думал, что наиграешься во все это... и вернешься домой.

– Забавно, а я и вообще не думал, что впредь тебя увижу.

– Хах, отчего же так? Уже списал отца? Вот вам, а не мою кончину, – произнеся это, Семен Яковлевич показал сыну кулак.

– Да нет, это не я списал, это история. И не только тебя, всех вас.

– Нееет, сыноок, – протянул генерал, – история героев не забывает.

– То-то и оно, героев! А ты кто? Не подлец ли и убийца?

– Щенок, сам-то будто святой!

– Твоя правда, – опустив взгляд в пол и вздохнув, сказал Самохин. – Меня война многому научила, но хорошего в этом многом с каплю в море.

– Об том и речь, настоящий офицер никогда своей чести не потеряет, ею не пренебрежет. Ни при каких обстоятельствах.

– Так ты, выходит, еще мнишь себя поборником чести офицерской?

Услышав это, генерал замолчал и задумчиво опустил взгляд на центр голой столешницы.

Самохин же снял свои кожаные перчатки и присев, наконец, напротив отца, бросил их на стол туда, куда был направлен взор Семена Яковлевича, отчего последний тотчас «опомнился» от глубокого раздумья.

– Да нет, уж черт разберет, где здесь честь, а где..., – начал Утюжнов, но вдруг опять замолк.

– Пошлость, – закончил фразу капитан и, закинув ногу на ногу, достал кисет с табаком и миниатюрную трубку из глубокого кармана собственного пальто.

– Тебе ведь вообще плевать, что честь, а что пошлость? Вам ведь слава нужна, – произнес генерал, засматриваясь на то, как сын забивает трубку.

– А ты не беспокойся, отец, слава просто так не достается, если, конечно, не дурная. Мы свою заслужим.

– Да чем же? Или разрушение отчизны для вас дело благое?

– Мы ее спасаем, от вас.

– От кого, нас? Отцов? Шелупонь, которая от рук отбилась, вот вы кто!

– Понятное дело. Для вас же все всегда должно быть под контролем, – сказал капитан, подкуривая трубку единственной не отсыревшей в коробке спичкой, – под вашим контролем. Да только глянь, до чего вы под своим присмотром страну довели? А мы для вас, выходит, просто смутьяны, что, будь ремень под рукой, быстро бы присмирели.

Командир «белых» был и сам не прочь выкурить табаку, да только совесть не позволяла сделать ему это в храме. Поэтому, стиснув зубы, он сидел, как на иголках, и стучал костяшками руки по столу.

– Нет, сынок, тут ремень уже не поможет. Только пуля.

– Считаешь, что я смерти заслужил?

– Если честно, то думается мне сейчас, что оба мы среди живых нынче ходим лишь по великой случайности.

– Случайности? Тут согласен. Только вот вы так, небось, чудеса божественные называете. Для вас ведь все, что творится, в божий план вписано.

– Может и так, да только нам Его планы на нас, – закатив глаза наверх, произнес Семен Яковлевич, – и в помине не познать и не осознать.

– Ровно потому, что и нечего познавать, отец.

– Не скажи. Бывает ведь так, что солдат чудом под шквальным огнем выживет, а на следующий день его дизентерия свалит или еще какая напасть, что в окопах водится.

– Бывает, да что-то я не понял, вы в случайности все-таки изволите верить, генерал, али в божий замысел?

– Случайности наши не случайны. Нам этого, правда, не понять: на все ведь воля Божья, что мы за волю случая чаще принимаем.

– Опять за своё! Не понять да не признать. Тьфу! Причинно-следственные связи – вот и вся наука. И случайностям, пожалуй, в нашем мире место есть. Только истинным случайностям, а не тем, за которыми создатель стоит.

– Дык мы в университетах тоже не вольными слушателями были. Когда человек видит божественный знак, но объясняет его случайностью, он просто отказывается от объяснения, ибо случаем можно все на свете объяснить, оттого он и бесполезен.

Капитан наигранно зевнул.

– Скучно-с мне с вами, батенька, а ведь нас с вами люди ждут. Так что давайте беседы наши великосветские закончим и побыстрее.

– Опять-таки, торопишься куда-то, – сказал Уюжнов, протягивая вперед указательный палец, как будто показывая отпрыску на него самого. – А ведь неизвестно тебе, кто из нас отсюда выйдет.

– Угрожаешь мне, старик?

– Нет, лишь предлагаю решение проблемы.

– Что тут решать? Уступите дорогу. А лучше – присоединяйтесь к нам. Мы люди щедрые, про прегрешения чужие быстро забываем.

– Э нет, сынок, – засмеялся генерал, – тут ты просчитался. Не уступим мы, потому что за нами Россия и отступать нам некуда. И не присоединимся. Иначе несдобровать.

– Да полно у нас ваших. Ничего, одумались. Это ведь по-христиански, как вам нравится – раскаявшиеся грешники.

– За богохульство свое ты еще ответишь, – сказал генерал, но увидев, как Самохин перекинул дымящуюся трубку из одного уголка губ в другой, тут же добавил, – хоть и не сейчас. Так вот. Мои люди к вам не пойдут и не потому, что чего-то бояться. О нет, мои ребята страха не ведают, потому что знают, за что борются. А вот вы – зло, *le mal dévore le mal**. И не за горами тот день, когда друг друга стрелять начнете, потому что святого в вас нет, а за идеалами – пустота. Как только поймете это – захотите пустоту кровью наполнить, да не получится. Ведь пустота та – зияющая бездонная хлябь. А человек, погрязший в насилии и бесчестии, уже и не человек вовсе. Кто-то скажет: « Животное!», но нет. Животные своих не убивают, не терзают пытками, не травят ядами и страхом. Люди, вкусившие плоти, животными не становятся, они становятся нелюдями. А такие, сынок, долго не живут.

– Слов много, а толку мало.

– Так давай за дело браться. Я уповаю на Бога, а ты, выходит, на себя и свою удачу?

– Допустим.

– Коли есть у Господа на меня план, то не пропаду.

– А я уверен, что случай – самый верный судья.

– Вот и пускай оружие рассудит наши поверья, – сказал Утюжнов и достал из кобуры потёртый наган, – сыграем в русскую рулетку.

– Эва как! Стращать смертью меня решил?

* – Зло пожирает само себя.

– Не думаю, что тебя такими пустяками напугать можно, – произнёс генерал, разряжая барабан своего револьвера.

– Просто будем друг в друга стрелять?

– Пускай каждый сам себе судьёй будет.

– И палачом...

– А почему нет? – усмехнулся генерал. – Война идёт уже давно, а значит, у нас с тобой грешков-то накопилось, ой, накопилось.

– Значит, будем про грехи рассказывать?

– Перед смертью принято исповедоваться. Не зря мы в храме. Или считаешь, что и то случайность?

Генерал зарядил один из патронов в барабан и раскрутил его, после чего положил наган на стол.

– Да, отец, не ожидал, что так все извернется. Но я с тобой сыграть готов, только первым начинай. Старшим надо ведь уступать.

– Думаешь, на тебя местечка в аду не найдётся?

– Ад давно уж на Земле, как и все его черти.

Семён Яковлевич откинулся назад и стал что-то вспоминать. Собрав всю волю в кулак, он начал свой рассказ.

– Шел 1819 год. Ты был еще в корпусе кадетском на Волге, а я уже гонял ваших «красных» псов по всей Луганщине. По ранней весне прибыли мы в село. «Нахабино», вроде, звалось.

Вошли туда, а там и нет никого. Тихо так. Только из одной трубы дым шёл. Ну, к ней мы и отправились. Дом был старым, ветхим, к нему по еще не сошедшему снегу вёл след саней. Оказалось, что живет там, в избе, одна бабулька, лет шестидесяти. Вроде обычная бабка, улыбалась постоянно. Наверное, это должно было насторожить. Но на войне так резко все переворачивается, что даже улыбка чужая, но искренняя, заставляет вспомнить мирное время и смягчиться.

Бабка та таскала дрова с другого дома, кем-то брошенного. Сама уже была не в состоянии их колоть.

У меня солдат шесть было. Больше для разведки-то и не надо. Остальные остались припасы ждать в городе. А мы все голодные, как волки. Она нас усадила за стол и говорит: «Ой, молодцы, да что же это такое творится? Чтобы русский человек на другого русского шёл, как на иноземца какого, э-ээх! Не могу понять иль вынести, уж ни сил, ни смётки нету».

И бросилась старая плакать.

Мои парни её, конечно, принялись успокаивать. Даже что-то веселое рассказали, подбодрили старуху. Оправившись, она сказала, что гостей не ждала, но нам очень рада.

– Я вам сейчас пирожков напеку, – полезая куда-то, бросила бабка, и тут у всех настроение поднялось. Потом она на стол полведра самогона, вытащенного из погреба, поставила.

Ну и началась пирушка. Тут и пес её выбежал, а она сама где-то там с тестом колдует. Наконец принесла она пирожки. Все румяные, как один. На стол поставила, а сама не ест. Ну, мои хлопцы как налетели! Еще бы, не ели ведь уже сколько! А я сижу и не ем. Будто что-то держит.

– А муж твой где, бабка?

– Да помер давно, от воспаления какого-то. Ты кушай, кушай.

– А остальные деревенские куда делись?

– Убежали, как про войну-то в наших краях слышали. Ты ешь, ешь.

А мне все в голову не идет, что в других деревнях люди с голоду пухнут, а тут пирожки с мясом жрут. Ну, я взял один, подозвал собачонку и бросил её под стол.

Псина понюхала и убежала.

– Ты чего едой разбрасываешься? – крикнула бабка, и увидел я, как глаза ее налились злобой. И тут один из моих лейтенантов говорит: «Что-то мне нехорошо». Поплохело ему, глаза покосились и рухнул бедолага на стол лицом.

«Ах ты тварь!» – крикнул я, вскочил и вцепился хозяйке в горло.

«Чуял ведь что-то неладное, у других в деревнях крохи на столах долго не задерживаются, а у тебя!» – говорил я, пытаюсь совладать со старухой.

Тут кто-то сзади пьяным голосом: «Семён Яковлевич, вы что творите?»

– Она отравить нас решила! А остальных что? Тоже на ужин зазывала? – выдавливал я, пока глядел на её синеющее лицо.

– Ты что творишь... я ничего не делала! – кричала бабка слабым голосом, растерянно сбиваясь с мысли.

– Сразу мне твое холеное лицо не понравилось, упитанное слишком для здешних мест! – сказал я и бросил её в сторону.

Тут собака стала гавкать, и я, достав пистолет, застрелил её. Схватил после этого со стола офицерское ружье и рубанул хозяйку прикладом. Она повалилась от боли на пол.

Я её вытолкнул из дома и заставил дорогу к проруби показать. А она всё каялась. Говорила, что по-другому не могла, что даже не помнит, как они с любимым начали деревню-то свою травить и выедать. Сначала всю скотину сожрали, потом и за кошек с собаками взялись. Но своего пса не съели. Знаешь, что она мне сказала? «Жалко его было». А человечину ей жрать, выходит... Ну ничего. Я ей пулю в затылок всадил, а тело в воду сбросил, чтоб не окверняла духом своим могилы тех несчастных, кого она к себе до того заманила.

Вернувшись в избу, понял я, что нет у меня больше отряда. Все лежали лицом вниз с пеной у рта. Так я по собственной глупости и потерял шесть человек. А потом в погребке и останки мужа её окаянного нашел.

– Стыдно? – спросил Сергей Семёнович.

– Не то слово. Да только что уж теперь? Ну-с, может, Бог и простит, – подумал Семён Яковлевич и поднес к виску револьвер. Зажмурившись, он нажал на курок, но услышал лишь сухой щелчок. Выстрела не последовало: патронник оказался пустым.

– Теперь твоя очередь, капитан, – сказал Семён Яковлевич, глубоко вздохнув.

Утюжнов положил на стол пистолет, а его сын достал из кармана пальто немного табака и вновь принялся забивать трубку.

– Что ж, я поведаю тебе, отец, историю, случившуюся со мной на Юге. Туда меня и мой кадетский корпус переправили для отдыха, но из-за войны наши каникулы отменились, а нас в срочном порядке стали перебрасывать в Краснодар, для охраны сельхозугодий.

Было мне тогда 17 лет. Молодой, глупый мальчишка, как и все из моего корпуса, что с нас взять? Дали нам винтовку, мосинку третью. А патронов дать – то ли забыли, то ли не захотели расточаться, в общем, боеприпасов не было. Так мы и охраняли отары овец, с «пустыми» винтовками.

Как-то раз начали с поля бараны пропадать. С нас естественно шкуру дерут, а мы что? Никого за километр не видать вокруг ночью! В чистом поле стою, как дурак, и к звукам прислушиваюсь. Но нет. Никого.

Прошло так несколько дней, и вызвали нас к начальству на отчет. А мы что? Глаза в пол уставили и ждем, когда нам «вольно» скажут.

– Кто ворует баранов? – спрашивают нас.

А мы и не знаем, что ответить. В итоге друг мой – Мишка – придумал систему оповещения. Мы натянули нитку по всему периметру пастбища, а к нитке прицепили колокольчики. Оставалось только ждать.

Дежури́м первый день – ничего, второй – ничего, третий день – ничего. В четвертый день в карауле стоял я. И вдруг слышу! Кто-то явился...

Я быстро бегу туда и вижу, как небольшого роста мальчик убегает с барашком на руках в сторону леса. Долго я за ним бежал и только среди подлеска догнал. Пригрозил винтовкой, а он говорит: «Я знаю, что патронов нет. Убери ружье». Я убрал ружье, но достал из кармана кортик.

«Нож у меня настоящий, не сомневайся» – сказал я.

Мальчик опустил на землю барашка, а я вдруг услышал шорох в кустах неподалеку. Приготовившись к бою, я услышал мужской голос: «Не надо! Не трогай его! Я все объясню».

Передо мной появился мужчина, лет сорока, не славянской внешности. Он подошел к мальчику и что-то сказал ему на непонятном мне языке.

– Мы живем в лесу, и у нас нет возможности работать.

– Цыгане?

– Да. Мы бежали из родного села.

– От погромов, небось?

– Да, еле ноги унесли. Наш дом разграбили, да и не только наш, – сказал мужчина и я заметил, что он хорошо говорит по-русски.

– И как тебя зовут?

– Меня – Джура, а это Алмас, – повторил мужчина, а мальчик улыбнулся. – У меня еще две дочки, и одна из них беременна. Её мужа убили. . . .

Тогда я пожалел их и сказал, что они могут брать по овце в неделю, но только когда я дежурю. И они согласились, пообещав покинуть эти места сразу, как только стихнет их розыск. Всю дорогу обратно я размышлял над тем, что есть люди, способные воспользоваться даже самым мерзким временем ради наживы.

После этого жизнь шла своим чередом. В дни своего дежурства я держал колокольчик, чтобы он не звенел, когда приходит Алмас. Как мы и договаривались, он брал одну овцу и уходил. Я выбирал тех, что поменьше или больны. Начальство было недовольно, но сделать ничего не могло. Лишь выдало патроны к винтовкам.

Так все и происходило в течение 3 недель, пока я не заболел. Лежал с гнойной ангиной, да такой, что и чаю хлебнуть было тяжело. В дежурство за меня вышел Мишка.

На второй день мне стало легче, но он вновь решил подменить меня на службе. И вот настал третий день. Я лежал еще больной, но уже спокойно разговаривал и пил чай. Вдруг, среди ночи я услышал звук выстрела. Выбежав на поле, я сориентировался и побежал туда, где обычно дежурил. Было темно, но глаза быстро принаоровились к темноте. Вскоре я увидел Мишу, который лежал на земле с окровавленной раной в животе. Когда я приблизился, стало ясно, что он уже мертв. Оглянувшись, я увидел удаляющийся силуэт маленького мальчика.

– Вот же урод! – воскликнул я и побежал в штаб. Схватив капитанский пистолет, я вскочил на лошадь и поскакал за Алмасом.

Много мыслей я тогда перебрал в голове. Думал и про то, что зря согласился на сделку, и про то, что мог уже и сам выйти в дежурство этой ночью. Про то, что я даже Мише, моему близкому другу, не рассказал о своем договоре с цыганами.

После недолгой моей поездки я остановился у большого дуба, где и жила семья Джуры. Но вместо неё я увидел только кучу грязных тряпок.

«Решили бежать? Далеко не уйдёте» – подумал я и, вновь вскочив на коня, поскакал наперерез разбойникам. Красная пелена застелила мне глаза. Я пришпоривал лошадь так, что порой казалось, будто мы несемся быстрее света. Наконец вдаль я увидел силуэты и повозку. Это были они! Достав из-под рубахи свой наган, я начал стрелять по Джуре, который был у них за кучера. Одним из выстрелов я ранил его в плечо, и он, вскрикнув от боли, стал останавливаться, ведь если бы он свалился с телеги, то погибли бы и его дочери.

Я подскочил к нему и, спрыгнув с коня, направил на него пистолет.

– Мы не хотели! Тебя просто давно не было видно! – кричал Джура.

– Раньше надо было думать, – сказал я и выстрелил ему в грудь.

Бездыханное тело цыгана упало на пыльную дорогу. Тут из повозки выпрыгнул Алмас с обрезом ружья, которое я без труда выбил у него из рук. Он стал кричать о том, что расскажет о нашем договоре, и за пособничество преступникам меня повесят.

В этот момент я представил суд, который действительно мог приговорить меня к казни. И тогда сомнений не осталось. Я выстрелил парню прямо в голову. Близлежащую местность огласили голоса цыганских дочерей, сидящих в повозке. Одну из них я застрелил из пистолета, вторую из обреза мальчишки. После этого, погрузив труп их отца в повозку, я отправился назад в село. Остальные тела я спрятал в лесу, ибо за убийство ребенка и женщин, одна из которых носила ребенка, мне грозило повешенье. За кражу табельного оружия офицера мне грозило 20 ударов плетью. Однако все обошлось. За проявленный героизм я был награжден новым званием – сержант. А спустя неделю, ночью, сбежал из села в страхе, что меня разоблачат. Так я и попал к красным.

– Да уж, значит, показал своим тело цыгана?

– Показал, а тела детей спрятал в лесу, там и покоятся.

– Совесть не мучает?

– Мучала, до недавнего времени. А потом она затихла. Надоело ей скулить целыми днями о том, что было. Этого ведь не изменишь.

– Твоя правда, – сказал Семён Яковлевич.

– Видать, не суждено покурить, – сказал капитан и, вынув изо рта трубку, приставил к голове револьвер. Жутко улыбнувшись, он нажал на курок, но пистолет смолчал.

– Опля! – сказал капитан и, встав со стула, отправился к иконостасу, чтобы вновь закурить трубку. Теперь – свечкой.

– Будь добр и мне огонька захвати, – сказал генерал, достав из кармана свои сигареты.

– Я думал, что это грех, – сказал Сергей Семёнович.

– Ай, черт с ним! Перед смертью не надышишься, – ответил ему Утюжнов.

Самохин взял большую свечу с подсвечником, стоящую справа от иконы Божьей Матери, и поставил её на стол перед отцом.

– Благодарствую! – произнес тот и уставился на сына. – Может, махнемся? Ты мне трубку, а я тебе сигареты, а?

Сын генерала молча положил свою трубку на стол и подвинул к отцу. Тот, в свою очередь, протянул Самохину пачку сигарет.

– Ваш, так сказать, ход, отец, – сказал капитан, садясь пред Семёном Яковлевичем.

– Да, была у меня одна история, да только запамятовал маленько. Ну да ладно, вспомним по пути. Дело было так.

После того, как я остался один, чудом избежав отравления у той бабки, я понял, что близлежащие деревни под контролем у «красных». Неожиданно, я обнаружил, что нахожусь в кольце, и деваться некуда. Была зима, и морозы в тех краях стояли страшные. Чтобы выжить, решил я идти через болота. Но до них еще надо было добраться.

Прихватив немного патронов, дабы путь не обременять, я начал поход. Шел я долго, только на ночь оставаясь наедине с лесом и волчьим воем. На третий день моего странствия я вдруг услышал неподалёку крик. Явно кричал молодой парнишка. Побежал я туда, а там и в правду парень. Лет тринадцати мальчишка.

Вижу: лежит на снегу, а нога в капкане медвежьем. Подбежал я, выхватил ножик свой, да и стал пленника вызволять. Нога вся перебита была, все вокруг в крови, а он глотку рвёт.

В общем, спас я его. Даже ногу чем-то из своего подвязал, и оказалось, что он-то от «красных» бежит. Ваши псы его семью заживо в бане сожгли, а он сбежать успел. И напрямик в лес. Решили мы вместе путь держать. Я ему палку нашёл, чтоб он опираться мог и ходить. Он говорит: «Доберемся до родника, который не замерзает, там и разойдемся!».

Я согласился, ну и пошли мы. Да только вот не дошли! Красные до нас быстрее добрались и... убили парнишку.

– Просто добрались и убили? – спросил капитан.

– А что, пытать должны были? Эх, до сих пор себя корю..., – говорил генерал, нахмутив брови и опустив взгляд.

Сергей Семёнович выпустил пару клубов дыма, вынул изо рта сигарету и, подвинувшись к отцу, сказал: «Чего темнишь, отец? Аль чего и перед самой смертью не хочешь рассказывать?».

Генерал поднял глаза и сердито взглянул на отпрыска: «Больно ты говорлив стал, сынок».

– Темнишь, темнишь. Вижу я это. В самом деле, хочешь ты эту историю в могилу с собой захватить?

Сергей Семёнович вновь уставил взор куда-то вниз.

– Ладно, вот как все было.

Шли мы с этим пареньком мимо родника. Того самого, о котором обмолвились заранее. И вдруг слышим: крики и топот коней.

« Красные нашли!» – крикнул парень и, бросив палку, стал, прихрамывая, убежать. Я бросился к воде. Там по весне много талой воды стекает, поэтому целый ров образовывается. Но еще рано было, холодно, воды мало. Я спустился быстро в этот овражек, а парень то, Сашкой его звали, не мог из-за ноги. Спотыкнулся он, да и свалился вниз. Я к нему подбежал, а он орет. Я вниз посмотрел, а у него гангрена началась. Нога под тряпкой почернела. Ну, я его оттащил, а он кричит! Громко кричит, и сделать с собой ничего не может. Я ему рукой стал рот затыкать, а без толку! И слышу уже, что близко красные подошли. Он все орет да ногу пытается схватить, а она кровотоцит, и кровь прямо в ручей проливается. Тут слышу: выстрелы! Видать, захотели, чтоб мы сами к ним вышли, испугавшись. А Сашка-то все не заткнется. Ну, я и решился. Схватил за голову и в воду опустил. Он стал о воду руками бить, вырваться, но я его крепко держал. Он все пытается ухватиться руками за что-нибудь, а я не даю. Вдруг прекратил он барахтаться. Руки опустил, и кричать перестал. Ну, я его и стал оттаскивать от воды, чтоб труп «красные» не увидели. Прижал его к себе, а сам к краю оврага теснюсь, чтоб сверху было не видать. Так они меня тогда и не нашли, а Сашка все там же, у ручья лежит....

Генерал взял со стола пистолет.

– Совесть замучила! Так что надо бы с этим и закончить, – произнес он и, поднеся к виску оружие, нажал на курок. Однако выстрела вновь не было.

– Похоже, Всевышний уже меня простил, – сказал Утюжнов и достал из кармана брюк платок, чтобы вытереть капли пота со лба.

– А может, на небесах тоже за нами наблюдают и просто хотят, чтобы представление длилось подольше? – спросил Сергей Семёнович, вдыхая табачный дым.

– Всё может быть, сынок, – сказал генерал, убирая платок назад в карман.

– Мда, – произнёс капитан и окинул взглядом комнату, в которой находился.

– Да, в точно такой же комнате.... Ну да ладно. Перебила как-то раз наш отряд конница казачья. Я был ранен в плечо, но сам живой остался. Бежал через болота, куда кони и сунуться боялись. Пару суток шел через эти топи. Это по весне поздней было. Мошкара заела, а рана серьезная. Думал, не дотяну!

Но вдруг набрел на меня грибник, Павлом его величали. Грибы для храма собирал; как потом оказалось, священником он был. В общем, помог он мне: к себе забрал, а потом с неделю ухаживал. Рана стала заживать. А под присмотром монахинь я вообще на ноги за считанные дни встал.

Как потом оказалось, спасали в храме том не только «красных», но и «белых». Мол, нейтралитет такой у церкви был. Прямо как у местных, в этой деревне. Так вот. Меня в некоторые комнаты не пускали. Говорили, что там «белые» офицеры лежат. А в соседней со мной комнате, говорят, лежал аж какой-то генерал.

Ну да мне до него никакого дела и не было. Думал я только о сестрах, которые за мной ухаживали. Но им нельзя такими вещами заниматься. По крайней мере, до свадьбы. Они обетов никаких не принимали, простые девки, так что я их донимал. Одна мне особенно понравилась. Я смотрел на нее, но она будто не замечала на себе моего взгляда. Она была легка и непринужденна даже в сложнейшем уходе за ранеными, и при этом не чувствовала меня, хотя обычно, когда я смотрел на людей, они тут же замечали это. Тяжелый взгляд, доставшийся от отца, давал о себе знать.

Но она так мне шанса и не дала.

В общем, лежал я целыми днями, да в потолок смотрел. Иногда ко мне приходил сам Павел. Он-то мне и рассказывал, что далек от всей политической жизни, и только лишь о мире в стране каждый день молиться. Я же не стал с ним дискутировать, хотя и считал, что мира молитвами не добиться. Но промолчал, ибо не хотел спасителя своего демагогией утомлять.

Как-то раз, обедая с ним за столом, он мне пожаловался на то, что продукты пропадают. Трапезничали мы обычно в комнате, сильно похожей на эту. Тоже иконы на стенах, да потолки

расписные. То, говорит, у него яйцо пропадет, то яблоко, то кто-то вишни в саду нарвёт и убежит. Ну, я и решил священника поблагодарить и найти этого вора. Павел на самом деле об этом не просил, скорее, просто делился переживаниями. Понимал он, что за время в стране, а потому хотел ситуацию эту просто отпустить, но я не дал.

Вновь леску попросил и колокольчик. Ну и опять наладил свою систему, как на том пастбище, в Краснодаре. Уже через пару дней ночью услышал звон. Схватил нож свой офицерский, рубаху, и побежал на улицу.

Понял я, что в сарае кто-то прячется, и направился туда. Захожу, а там, в углу, девчонка. Лет 12-13. Черноволосая, красивая, невинная.

– Ты кто такая? – спросил я. А она молчит.

Я нож подвинул ближе, и она вмиг стала разговорчивой. Рассказала, что зовут её Ирит. Уже потом я узнал, что Ирит с еврейского значит – цветок. Действительно, девчушка была красивой.

Рассказала она мне про семью свою. Его отца, адвоката, мужики до смерти забили. Он своих защищал на процессах и сам погромщиков искал. Спаслась она тогда и вот выживала, подворовывая у священника. А воровство в военное время – это тяжкое преступление, карающееся смертной казнью. Так что я должен был эту девчонку застрелить или повесить. Но слишком долго я терпел воздержание. Ирит так и манила своей беззащитностью.

Я приставил к её горлу нож и начал свое дело. Сказал, что если она издаст хоть звук, то я её прирежу. Примерно через полчаса я закончил с ней и опустил нож. Её маленькое, обессиленное тельце упало на солому, вдоволь расстеленную на полу. Осознав, что натворил, я побежал к себе в комнату. Собрав все вещи, кроме нашивки нарукавной, что в болоте оторвалась, я украл лошадь и поскакал на ней в сторону города. В итоге не прогадал я: в городе были наши. Так я и спасся от правосудия.

Сергей Семёнович посмотрел на отца, который явно над чем-то задумался.

– Ну что же, раскаиваешься в содеянном? – спросил рассказчика генерал.

– Нет. Она ведь все равно преступницей была, дык еще и жидовка. Я, считай, её пощадил и в живых оставил.

– Ну, коли так, то один Бог тебе судья!

– Это точно, – сказал капитан и поднял пистолет.

Приставив его ко лбу, он закричал и нажал на курок. Но судьба вновь обошла Самохина стороной.

Капитан засмеялся и, бросив пистолет, бодро вскочил со стула.

– Что тебя так веселит, сынок?

– Да забава наша с тобой, отец, уж больно увлекательной оказалась! Хочешь сказать, тебя это всё не возбуждает? Вся эта игра?

Утюжнов глядел на сына, и кровь в его жилах стыла.

– Из человеческого в тебе остался только облик. И жизнь твоя собачья испещрена грехом.

– Пускай так. Всё лучше, чем сидеть целыми днями в имениях, читая по-французски. Вы стали заложниками собственных принципов, собственной манерности и самолюбия. Не видели ничего дальше своего носа! Не видели голодных бунтов рабочих, не видели слез матерей, которые хоронили сыновей, погибших в войну. Легко сидеть перед камином в теплом доме и рассуждать о мире, который весь такой! – сказал Сергей Семёнович, ударив себя в грудь. – И я герой своего времени, а не ты!

– Ты говоришь, что я «заложник»? Ха, да кто бы говорил? Ты убивал людей, просто из-за того, что они не поверили в призрачную мечту о равенстве, о счастье и достатке для каждого! Это ты находишься в плену у собственных непонятных идей и незаконченных мыслей. Не такие люди, как ты, строили Россию и не таким, как ты, её унаследовать! – сказал генерал Утюжнов.

– Думай, как знаешь. Вот только доиграем. Ваш ход, отец! – сказал с неким презрением капитан.

– Ну что ж. Мир, как известно, тесен. И тот генерал, что лежал в соседней с тобой комнате, в монастыре, это я. Меня, так же, как и тебя, подобрал отец Павел. Он нашел меня недалеко от того ручья, где я утопил Сашку.

Меня, как и тебя, выхаживали сестры. Откармливали, вот только не говорили, что ещё и красных крыс спасают, вроде тебя. Как-то раз прибыл наш отряд туда. Я удивился, когда увидел своего друга – атамана Кандратьева у ворот. Как оказалось, они искали некоего капитана красных, который уже много чего натворил. Было это поутру. Вдруг выбежал во двор к гостям отец Павел, а на руках держит маленькую девочку, в окровавленном платице.

Занесли мы её в дом, а священник говорит, что в сарае её нашел. Позже девочка рассказала, что и кто с ней сделал. Мы вбежали в твою комнату и увидели ту нашивку. Тут всё и вскрылось. Ну а щадить тех, кто врагов наших спасал, есть глупость. Всех, кто был в церкви, согнали на задний двор. Пожалели только женщин. А вот священника и помощников приговорили к повешению. Я лично отцу Павлу петлю на шею вешал. Руки дрожали, но поделаться я ничего не мог. Ему надо должное отдать. Спокоен был. Стоял смирно и молитву читал.

– Значится, ты своего же спасителя убил?

– Да.

– Что ж... Чего только эта война не заставит сделать.

Семён Яковлевич тяжело вздохнул и поднял пистолет. Оставалось всего два хода. Если выстрела не случилось, то Сергей проигрывал. Если же случался, то проигрывал генерал. Обстановка становилась всё тяжелее, но генерал не собирался тянуть. Он нажал на курок... и выстрела не последовало.

Сергей вдруг сменил выражение лица. В его глазах читались тревога и отчаяние. Генерал схватился за лицо и заплакал. Прижимая холодное оружие ко лбу, он несколько раз глухо всхлипнул, а после залитыми крупными слезами старца глазами взглянул перед собой.

– Ну, вот и всё, сынок. Прости меня, – сказал Семён Яковлевич.

– Прощаю, отец, – сказал Сергей и быстрым движением придавил столом Утюжнова к стулу. Это сковало генерала, и он не мог высвободить руку. Тогда Самохин выхватил свой пистолет и выстрелил старику в голову.

Мгновение – и тело Семёна Яковлевича повалилось на пол. Тишина застыла над местом исповеди. Сын смотрел на бездыханное тело отца и чувствовал жгучий прилив стыда, радости и энергии. Эмоции распирали закаленное войной юношеское сердце. Еще никогда Сергей не ощущал себя столь могущественно, как сейчас. Эйфория от победы в игре со смертью захлестнула красного командира, и тот стоял, смотря на тело грозного родителя, смеясь.

В комнате вскоре появились духовники, которые, при виде трупа генерала, замерли в изумлении.

– Готовьте припасы, теперь это наша деревня, – сказал капитан и отправился на выход. На столе же остались лежать 5 патронов, револьвер, сгоревшая свеча и пачка сигарет.

Крайний рубеж

Когда я пишу эти строки, моя рука дрожит так, будто вот-вот начнётся эпилептический припадок. Тремор застал меня врасплох, да так, что я позабыл вовсе о том, с чего хотел начать.

В общем, это и не важно.

Дело вовсе не в этой записке, а в том, что за ней последует. А это неотвратимо. Бумага, что вы читаете, – лишь фантик отчаянного поступка, которому общество редко находит оправдание. Меня зовут Александр Бегин, хотя вы, пожалуй, в курсе. Вряд ли вы, правда, в курсе,

что моя настоящая фамилия Альшевский, но это и неважно. Трудно признаваться в этом читателю, но я больше не в силах совладать с собственной зависимостью.

Вы спросите: «Стыдно ли мне?» И я отвечу: «Нет».

Не потому, что считаю морфий злом, которое невозможно одолеть. Не потому, что нахожу в собственном прошлом оправдание для своей жалкости. Нет, просто до того, как признаться вам в собственной слабости, я признался в ней себе. Поверьте, это трудно. Особенно когда о себе ты более высокого мнения, чем другие. За то время, что я мирился с очевидным, возымел свое действие странный эффект: полная атрофия стыда. По-видимому, я все-таки нашел себе оправдание в богатом на события прошлом. И это единственная причина, по которой здоровый сон вновь вернулся ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.